

Сказка Андерсена.

Рис. Ре-Ми.

I.

Великъ Китайскій Богдыханъ.
О чудесахъ его столицы
Слагають былъ и небылицы
Поэты чужеземныхъ странъ.

Куда ни глянь — ласкають взоры
Благоуханные сады,
Дворцы изъ чистаго фарфора,
Молелень вычурныхъ узоры,
И заповѣдныя пруды.
У голубого - жъ водопада,
Въ тѣни поникнувшихъ вѣтвей,
Таится лучшая улада
Благоухающаго сада, —
Живеть волшебникъ соловей.

Лишь ночь грядетъ, пѣвецъ прилежный
Хвалу возносить небесамъ,
И переливы трели нѣжной
Врачуютъ сердца стонъ мятежный
Какъ чудодѣйственный бальзамъ.
Несутъ чарующіе звуки
И богачамъ, и бѣдняку
Отраду въ часъ сердечной муки,
Забвеніе горестной разлуки,
И гонять мрачную тоску.

Всѣ поэтессы и поэты
Въ честь несравненнаго пѣвца
Слагали нѣжные сонеты,
И слухъ о немъ, пойдя по свѣту,
Дошелъ случайно до дворца.
Но дворъ былъ чуждъ слащавыхъ
бредней, —

Поэтъ, пѣвецъ ли — все равно —
Не шли здѣсь далѣе передней ;
Такъ богдыханъ узналъ послѣдній
О томъ, что знали всѣ давно.
Узналъ... и половину свиты
Отдалъ немедленно подъ судъ,
А остальныхъ велѣлъ сердито
Пѣвца — не ѣдено, не пито —
Искать, доколѣ не найдутъ.

Приказъ былъ отданъ очень строго,
Коль не найти — не быть добру!
Вельможи, поворчавъ немного,
Уныло двинулись въ дорогу
Звать проходимца ко двору.
Искать легко — найти труднѣе.
Напрасно весь придворный штатъ,
Туфлей и платья не жалѣя,
Бродилъ въ потьмахъ по всѣмъ
аллеямъ,
Наполнивъ шумомъ старый садъ.
Не чуя ногъ отъ утомленья,
Гофмейстеръ, старый Ли - Хунъ - Вей,
Заслышалъ нѣчто въ родѣ пѣнья.
И, самъ не свой отъ умиленья,
Рѣшилъ, что это — соловей.
"Вотъ голосокъ, молъ, у пичужки:
Ни дать, ни взять — виолончель".
Но... оказалось — то лягушки
Кричали въ илистой рѣчушкѣ,
Пугая сонную форель.
Кляня лихую неудачу,
Плуталъ бѣдняга битый часъ
По всѣмъ тропинкамъ на удачу,
Пока, отъ счастья чуть не плача,
Услышалъ мощный трубный гласъ..

Не чуя ногъ отъ утомленья,
Гофмейстеръ, старый Ли-Хунъ-Вей,
Заслышавъ нѣчто въ родѣ пѣнья
И, самъ не свой отъ умиленья,
Рѣшилъ, что это — солдвей.

Не говоря плохого слова,
 Была октава глубока.
 Но... Ли-Хунъ-Вей ошибся снова, —
 На этотъ разъ въ лѣсу корова
 Звала заблудшаго бычка.

Къ утру бѣдняги мандарины,
 Страшась монаршаго суда,
 Уже почесывали спины...
 Какъ вдругъ... чуть слышно соловьиный
 Раздался рокотъ у пруда...
 Боясь спугнуть пѣвца, вельможи
 Въ густыхъ побѣгахъ камыша
 Легли на мокромъ, вязкомъ ложѣ
 И, глупыя состроивъ рожи,
 Внимали пѣснѣ чуть дыша.

Звучала пѣснь... Въ тоскѣ неясной
 Рыдалъ пѣвецъ въ тиши ночной,
 Слагая гимнъ благой и страстный
 О жизни сказочно - прекрасной,
 И ужъ, конечно, неземной...

Забывъ про стыдъ и гоноръ ложный,
 Смахнулъ гофмейстеръ кулакомъ,
 Слезу съ щеки своей вельможной
 И осторожно — осторожно,
 Пропѣлъ пискливымъ теноркомъ:

“Пѣвецъ пѣвцовъ! Имѣйте жалость,
 Явитесь завтра во дворецъ
 И спойте богдыхану малость,
 Чтобъ... мнѣ плетями не досталось
 По пяткамъ на плохой конецъ”.
 Представьте радость всѣхъ придвор-

ныхъ, —
 Соловушка безъ лишнихъ фразъ
 И разныхъ фокусовъ притворныхъ
 Сказалъ, что онъ слуга покорный
 И будетъ завтра, ровно въ часъ.

Чуть свѣтъ въ парадномъ залѣ слуги
 Воздвигли золоченый шестъ,
 И ко дворцу со всей округи
 Сбѣгалась публика, въ испугѣ,
 Что не для всѣхъ достанетъ мѣсть.

Четыре гренадерскихъ взвода
 И взводъ дворцовыхъ егерей
 Толпу несмѣтную народа
 Съ трудомъ оттерли отъ дверей.

Къ полудню званые вельможи
 И дипломаты разныхъ странъ
 Собрались чинно и пригоже;
 А у шеста, въ особой ложѣ,
 Сидѣлъ и ждалъ самъ богдыханъ.

Гофмейстеръ, въ страхѣ и тревогѣ,
 Взглянуть не смѣя на часы,
 Стоялъ со свитой на порогѣ:
 У всѣхъ давно дрожали ноги
 И стали красными носы.

Но вотъ... въ раскрытое окошко,
 Минуя грозный караулъ,
 Влетѣлъ — невзрачный, сѣрый крошка
 И сѣлъ, сконфуженно, немножко,
 Въ сторонкѣ на свободный стулъ.

Всѣ даже ахнули невольно...
 “Скажи на милость — в о р о б е й !
 Такихъ пѣвцовъ вездѣ довольно!
 И кто-то молвилъ недовольно:
 “Ну, пой красавецъ! Не робѣй!”
 И онъ запѣлъ, борясь съ смущеньемъ
 Какъ юный, робкій минестрель,
 И разомъ странное волненье
 Во всѣхъ сердцахъ безъ исключенья
 Родила трепетная трель

Самъ богдыханъ во власти грезы,
 Съ улыбкой счастья на устахъ,
 Забылъ про этикетъ и позы,
 И весь народъ впервые слезы
 Увидѣлъ на его глазахъ.

Будила пѣснь огонь отвѣтный
 Въ его дряхлѣющей крови,
 И жажду юной, беззавѣтной,
 Всепобѣждающей любви...

А самъ пѣвецъ, съ чуть слышнымъ стономъ
Головку жалобно склонилъ
Въ мольбѣ безмолвной передъ трономъ,
Онъ слышалъ, какъ слуга со звономъ
Окно завѣтизе закрылъ...

**

Замолкла пѣснь, но все собранье,
Во власти сказочной мечты,
Хранило полное молчанье ;
Никто не смѣлъ въ рукоплесканьи
Сомкнуть дрожащіе персты.

А самъ пѣвецъ, съ чуть слышнымъ
стономъ,

Головку жалобно склонилъ
Въ мольбѣ безмолвной передъ трономъ:
Онъ слышалъ, какъ слуга со звономъ
О к н о завѣтное закрылъ...

**

Толпа завистниковъ презрѣнныхъ
Нашла, что новый фаворитъ,
При всѣхъ достоинствахъ отмѣнныхъ,
Въ моментъ овацій несомнѣнно
Имѣлъ довольно жалкій видъ.

Еще бы! Онъ хотѣлъ свободы!
Онъ жаждалъ снова испытать
Дыханье нѣжное природы
И голубого неба своды
И звѣздъ сіянье созерцать.
Отнынѣ въ немъ была убита
Слѣпая вѣра въ родъ людской,
И тщетно ревностная свита
Развлечь старалась фаворита
Увеселеній чередой.

Гофмейстеръ, не шадя монеты,
Устроилъ сто одинъ парадъ
И, по монаршему декрету,
Приставилъ къ бѣдному поэту
Особый многолюдный штатъ:

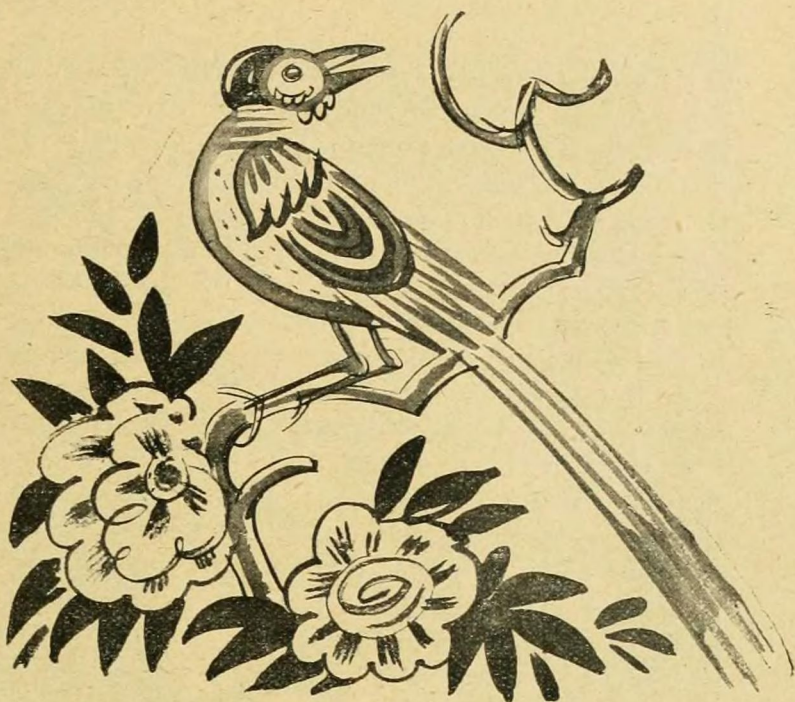
Двѣнадцать толстыхъ камергеровъ,
Двѣнадцать юношей пажей
И, въ видѣ полицейской мѣры,
Конвой внушительныхъ размѣровъ
Изъ двухъ десятковъ сторожей...

Двѣнадцать толстыхъ камергеровъ.
Двѣнадцать юношей пажей.

Понятно, что почеть и
слава
Причиной стали горь-
ких слезь,—
Пѣвцу куда милѣе, пра-
во,
Была родимая дубрава
И аромать прекрасныхъ
розь.

Скучалъ бѣдняга въ
 пышномъ залѣ
И рвался въ садъ
свой тихій прочь,—
Да только—не было
 печали,—
Его на ленточкѣ
 держали
И день, и ночь...

Всѣ перья были изъ эмали,
На хохолкѣ сверкалъ алмазь;

II.

Сынъ Неба свято чтить обряды
И — иностранные дворы ;
За миролюбіе въ награду
Старинный другъ его, Микадо,
Частенько слалъ ему дары.
Узнавъ о новомъ увлеченіи,
Микадо въ двадцати томахъ
Велѣлъ воспѣть красоты пѣнья
И преподнесъ ко дню рожденья
Сосѣду трудъ: "О соловьяхъ".

Понятно было недовольство,
Когда весною во дворецъ
(По нраву, видно, хлѣбосольство!)
Явилось новое посольство

И привезло большой ларець.
Рѣшивъ, что въ ящикѣ, навѣрно,
Опять немало скучныхъ книгъ,

Сынъ Неба выругался скверно,
Но былъ обрадованъ безмѣрно,
Узрѣвъ — соловушки двойникъ!
Всѣ перья были изъ эмали,
На хохолкѣ сверкала алмазь ;
Лишь носикъ скованъ былъ изъ
 стали.

Зато надъ нимъ свѣтло сіяли
Два изумруда вмѣсто глазъ.
Въ посылкѣ было и посланье:
Микадо сокрушался въ немъ,
Что, несмотря на все старанье,
Модель — плохое подражанье
Въ сравненіи съ чудо - соловьемъ.

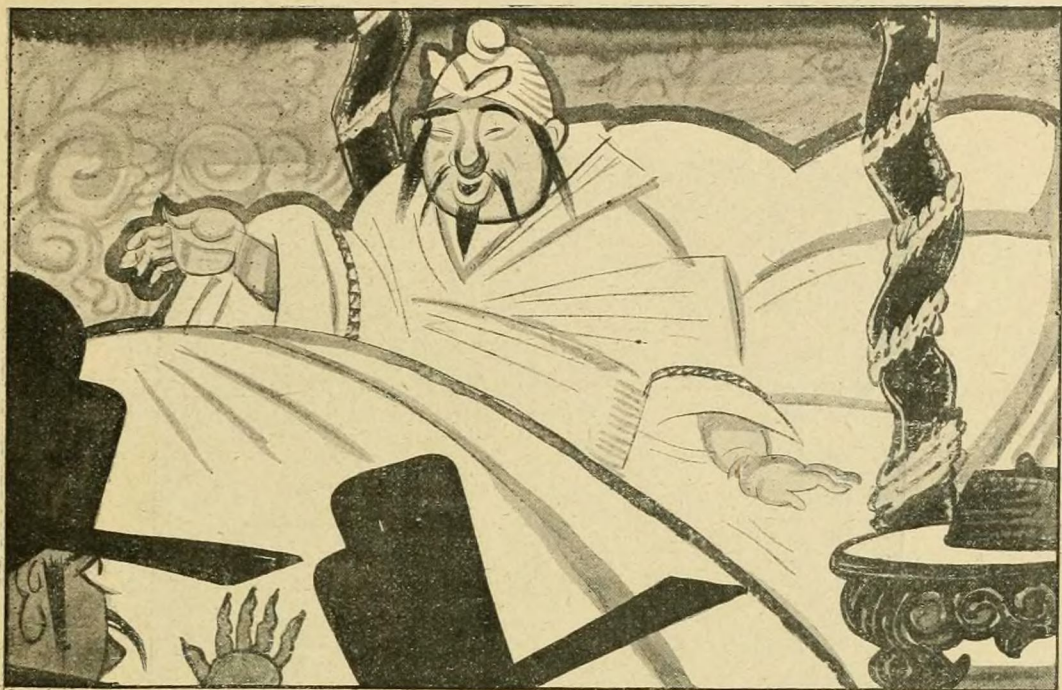
Какой же даръ могъ быть дороже?
Восторгамъ не было конца.
Красавецъ пѣлъ одно и то же,
Но очень мило и похоже.
На настоящаго пѣвца.

Полюбоваться на новинку
 Сбѣжался въ залу старъ и младъ ;
 Всякъ вторилъ пѣснѣ подѣ сурдинку,
 И мандаринъ завелъ пружинку
 Пожалуй сорокъ разъ подѣ рядъ.
 Всѣ были въ дикомъ восхищеньи.
 Обидно было лишь одно, —
 Соловушка послушалъ пѣнье
 И, не спросивши позволенья,
 Порхнулъ въ раскрытое окно...
 Чудакъ нарушилъ всѣ законы.
 Самъ Богдыханъ на весь Китай
 Бранилъ его съ вершины трона;
 Зато искусство граммофона
 Хвалили прямо черезъ край.
 Поэты прозой и стихами
 Воспѣли пѣсни красоты,
 Иначе вѣдь, судите сами,
 Могли назвать ихъ дураками
 И даже вздуть по животу.
 Особенно хвалилъ артиста
 Смотритель главнаго дворца;
 Хвала его была рѣчиста
 И вскорѣ званіемъ солиста
 Почтили рѣдкаго пѣвца.

Годъ цѣлый длилось развлеченье,
 Пока не грянула бѣда:
 Разъ вмѣсто сладостнаго пѣнья
 Раздалось жалкое шипѣнье,
 А пѣсня — смолкла навсегда.
 Два дня свѣтила медицины,
 Повздоровѣ межъ собой слегка,
 Напрасно порціями хины
 Пытались вылечить пружины...
 Пришлось позвать часовщика.
 Тотъ долго бился надъ загадкой,
 Когда жъ попалъ на вѣрный путь,
 Сынъ Неба, бѣдный, лишь съ огля-
 кой
 Могъ восхищаться пѣсней сладкой —
 Всего разъ въ годъ, и то чуть-чуть.
 Но капельмейстеръ въ утѣшенье

Сказалъ напыщенную рѣчь:
 "Чѣмъ рѣже — больше наслажденья!"
 Никто не выразилъ сомнѣнья,
 И птицу начали беречь.

Съ тѣхъ поръ прошло четыре года
 Безъ смуть, волненій и тревогъ.
 Но тутъ властителя народа
 Постигла тяжкая невзгода, —
 Онъ безнадежно занемогъ.
 Врачи оставили надежды,
 И вотъ одинъ, совсѣмъ одинъ,
 Закутанъ въ пышныя одежды,
 Лежалъ, сомкнувъ устало вѣжды,
 Забытый всѣми властелинъ.
 Тогда предъ взорами больного
 Въ щемящей душу полу-мглѣ
 Предстали празраки былого, —
 Все то, что онъ совершилъ дурного,
 За время царства на землѣ...
 Кружились призраки печали
 Въ безсильной скорби и тоскѣ.
 Они задумчиво кивали,
 А на парчевомъ одѣялѣ
 Сидѣла Смерть съ косою въ рукѣ.
 Тутъ ужасъ объялъ богдыхана, —
 На помощь сталъ онъ тщетно звать:
 "Сюда придворные шаманы!
 Пусть бьютъ въ большіе барабаны!
 Мнѣ страшно! Страшно умирать!"
 Никто не шелъ на зовъ напрасный, —
 Ушли лѣнливые рабы,
 Лишь соловей — солистъ безгласный —
 Вперилъ въ больного взоръ безстраст-
 ный,
 Какъ будто слушая мольбы...
 И вдругъ... ликующее пѣнье
 Спугнуло сонмище тѣней.
 Могучій голосъ вдохновенья
 Звучалъ какъ гимнъ освобожденья —
 То пѣлъ изгнанникъ соловей.
 Онъ пѣлъ о дѣтской колыбели,
 О милосердіи Творца.

— Ахъ, здравствуйте! — воскликнулъ государь

Онъ пѣлъ, и призраки блѣднѣли
И Смерть у царственной постели
Забывалась, слушая пѣвца.
Затихло все. Внимая пѣнью,
Больной забылся сладкимъ сномъ,
А Смерть въ тревогѣ и смятеньи
Въ окно скользнула легкой тѣнью
И скрылась въ сумракѣ ночномъ.

На утро ревностные слуги,
Сенать и Дворъ, и всяческая тварь
Пришли почтить у с о п ш а г о заслуги
И жертвы на отечества алтарь.
Они вошли..., и замерли въ испугѣ:
Румянъ и свѣжъ, какъ солнышко на югѣ,
"Ахъ, здравствуйте!.." воскликнулъ госу-
дарь.

Эм. Ганзенъ.